

ЮРИЙ ДРОЗДОВ, СЕРГЕЙ ИЛЛАРИОНОВ

БЕДНОСТЬ КАК РЫЧАГ УПРАВЛЕНИЯ

У любого народа важным является представление о бедности. Бедность – продукт классового общества с развитыми отношениями собственности. Таким было общество рабовладельческое, феодальное, а потом капиталистическое. В Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах – “расе бедных” и “расе богатых”. Протестантская Реформация породила отношение к бедности как признаку отверженности (“бедные неугодны Богу” – в отличие от православного взгляда “бедные близки к Господу”). Историк Бродель так писал об изменении отношения к бедным после Реформации: “Эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII веке... В XVI веке чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII века ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы”.

Рыночная экономика породила государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. Бедность в буржуазном обществе вызвана не недостатком материальных благ, она – целенаправленно и рационально созданный социальный механизм.

Амартья Сен, удостоенный за свой труд “Политэкономия голода” Нобелевской премии по экономике, показывает, что бедность не связана с количеством товаров, а определяется социально обусловленными возможностями людей получить доступ к благам. В социальной реальности даже богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом (“структурная бедность”). В Нью-Йорке один миллион жителей ежедневно получает похлёбку

ДРОЗДОВ Юрий Иванович — участник Великой Отечественной войны. Генерал-майор в отставке. С 1979 по 1991 год — начальник Управления КГБ СССР. Основатель и руководитель аналитического центра “Намакон”. Автор книг “Нужная работа”, “Вымысел исключён” и др.

ИЛЛАРИОНОВ Сергей Иванович — участник Великой Отечественной войны. Окончил Высшую дипломатическую школу и экономический факультет МГУ им. Ломоносова. Профессор, доктор философских наук. Работу в государственных структурах сочетал с научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельностью в Дипломатической академии, где являлся проректором по учебной работе. Автор многочисленных научных работ, в том числе книг “Террор и антитеррор в современном мироустройстве”, “Власть информации”, “Геополитические диверсии”, “Политическая элита России”, “Россия и мир. Куда держим курс” и др.

в благотворительных столовых, и еще 350 тысяч эту похлёбку не получают, так как не хватает талонов. Наши традиционные социальные установки, философские основания советского строя, русская православная философия и марксизм-ленинизм исходили из совершенно другой установки: бедность есть порождение социальной несправедливости, и потому она – зло. Таков был официально декларируемый принцип, и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом советские принципы и стихийное мироощущение людей полностью совпадали.

По типу распределения благ советский строй жизни резко отличался от Запада. Во время ельцинских реформ были отвергнуты советские принципы, и Запад был взят за образец “правильного” жизнеустройства, якобы устрояющего ненавистную “уравниловку”. Отрицание уравниловки в буржуазном истолковании есть не что иное, как оправдание бедности, придание ей законного характера. Понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать в качестве нормы жизни, вовсе не является порождением советского строя. Напротив, советский строй – порождение традиционно русского взгляда на бедность. Признать нищету ближних как норму жизни – значит отвергнуть отечественную культуру, корнями уходящую в православие. Какие силы не давали в СССР людям скатиться в бедность, стоять в очереди за похлёбкой и ночевать в уличных переходах? Старые принципы общины – они и помогали удержаться, и не позволяли опустаться. Так, в СССР низкие цены на жилье, транспорт и самые необходимые продукты почти уравнивали людей с низкими доходами по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, человек ценами “вытягивался” из бедности, и СССР был, выражаясь современной терминологией, “обществом среднего класса”.

В нынешней России кардинальным образом изменилась структура цен. Продукты первой необходимости население покупает по любым ценам, что побуждает их взвинчивать. В результате хлеб к концу 2004 года подорожал относительно среднего автомобиля (ВАЗ-2105) примерно в 4–5 раз, а проезд на метро – в 30 раз. Дороже всего стали лекарства. Изменение ценообразования сочеталось с изменением типа распределения доходов. Есть показатель расслоения общества по доходам – фондовый коэффициент дифференциации (отношение доходов 10% высокооплачиваемых граждан к доходам 10% низкооплачиваемых). В СССР он составлял около 3,3. К 1994 году фондовый коэффициент подскочил до 15 (с учётом теневых доходов он оценивается в 30–40) и продолжает держаться на этом уровне. Реформаторы приняли неолиберальное представление о бедности: она рассматривалась ими не как зло, а как полезный социальный механизм. Массовое обеднение населения России было предусмотрено в доктрине реформ – это явствовало из трактатов “теоретиков” типа Чубайса ещё в советское время. С самого начала реформ не только не выдвигалась задача предупреждения бедности, но и не было сделано никаких шагов для преодоления её крайних проявлений.

В стране, где “структурная бедность” была давно искоренена и забыта так, что её уже никто не боялся, массовая бедность создана политическими средствами. Искусственное создание бедности в нашей стране – колоссальный эксперимент над человеком. Он настолько жесток, что не укладывается в сознание: люди не хотят верить, что они сброшены в безысходную бедность, считают это неким временным “сбоем” в их нормальной жизни, – вот кончится это нечто, подобное войне, и всё наладится. В результате реформ возникла устойчивая бедность – постоянное состояние большей части населения. Эта бедность не связана с личными качествами и трудовыми усилиями людей. По данным социологов, только 10% бедняков в России могут, и то лишь теоретически, повысить свой доход за счёт повышения трудовой активности. В РФ возникла уникальная, невиданная категория “новых бедных” – большие группы работающего населения, которое по своему образовательному уровню и квалификации никогда ранее и нигде в мире не было бедным. В РФ обеднели целые категории работающих людей, причём людей квалифицированных, выполняющих сложную работу. Такое положение не имеет аналогов ни в феодальной, ни в капиталистической экономике. Когда семья с двумя работающими не может прокормить двух детей – по официальным расчётам минимальных потребностей, – это и есть причина демографической катастрофы.

Из возрастных категорий более всего обеднели дети в возрасте от 7 до 16

лет. Примерно треть из их числа находится за чертой бедности, причём более половины из этой категории детей относятся к “крайне бедному населению” – к тем, кто имеет уровень дохода в два и более раз ниже прожиточного минимума. Воздействие бедности на здоровье, культуру, характер и поведение человека имеет долгосрочный характер – через состояние бедности в 90-е годы прошла половина детей РФ.

На деле бедность охватила почти всё население России, и это будет сказываться ещё очень долго. Наш народ реформа действительно разделила как бы на две расы, живущие в разных мирах и как будто в разных “Россиях”, – на богатых и бедных. Тонкая прослойка “среднего класса” уже не может их соединить, они расчленены на два враждебных народа. Этот раскол ещё не свершился окончательно, но мы уже на его пороге. В результате “реформ” в РФ образовалось “социальное дно”, составляющее около 10% городского населения, или до 11 млн человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети и уличные проститутки. Большинство нищих и бездомных имеют среднее или среднее специальное образование, а 6% – высшее. Такого “дна” ещё не бывало в истории человечества ни в одной стране.

Как отмечают социологи, находящиеся внизу и приближающиеся к черте паникуют: они ещё в обществе, но видят, что им не удержаться в нём. Постоянно испытывают чувство тревоги 83% неимущих россиян и 80% бедных. По оценкам экспертов, угроза обнищания в начале текущего десятилетия была реальна для 29% крестьян, 44% неквалифицированных рабочих, 26% инженерно-технических работников, 25% учителей, 22% творческой интеллигенции. Сейчас эти доли несколько уменьшились, но в принципе положение не изменилось. Общий вывод социологов: в обществе действует мощный механизм “всасывания” людей на “дно”, главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан. Это – выводы из публикации журнала Российской Академии наук “Социологические исследования”.

Отказ общества считать тех же бомжей, находящихся “на дне”, своими ближними носит демонстративный характер. Так, им отказано в конституционном праве на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ). При этом практически все бездомные больны, а среди беспризорников больны 70%. Половина бездомных – бывшие заключенные и беженцы – находятся в постоянном конфликте с властью, так как не могут легализоваться и нарушают правила регистрации. Государственная помощь оскорбительно ничтожна по масштабам, что также стало символом отношения к бедным. К концу 2003 года в Москве действовало 2 (!) “социальных гостиницы” и 6 “домов ночного пребывания”, всего на 1600 мест – при наличии 30 тыс. официально учтенных бездомных. Зимой 2003 года в Москве замерзло насмерть более 800 человек. Это в городе, где “крутится” большая часть денег России.

Удел бедных – беспробудное пьянство. С 1994 по 2003 год велся российский мониторинг экономического положения и здоровья населения. Он показал, что уровень потребления алкоголя тесно связан с бедностью. Если потребление чистого алкоголя в областных центрах выросло за 1994–2002 гг. с 13 до 16 литров на душу, то на селе – до 29 литров. Алкоголь выкашивает русских крестьян. Это исследование завершается таким выводом: “Пить стали чаще и больше в социальных средах, в наибольшей степени испытавших социально-экономические и психологические травмы переходного периода: падение уровня жизни, депрессии, страх, потерю уверенности в себе и в своём будущем, суицидные мысли”.

Другой удел бедных в городе – бездомность. Сейчас в РФ официально более 3 млн бездомных. Основная их масса – люди 35–54 лет. Большинство бездомных – бывшие рабочие, но каждый год заметно приращение бывших служащих. Более половины бездомных имеют среднее образование, 22% – среднее специальное, около 9% – высшее. Главные причины потери жилья (в порядке убывания значимости) – выселение за неуплату, жилищные аферы и обманы, выписка с жилплощади в связи с пребыванием в местах лишения свободы. Выводы социологов: “Всплеск бездомности – прямое следствие разгула рыночной стихии, “дикого” капитализма. Ряды бездомных пополняются за счёт снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как соци-

альная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного “класса” людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной “возможностью” для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство”. Надо только заметить, что ничего “стихийного” в разгуле “дикого” капитализма или в нехватке средств для оплаты коммунальных услуг нет. Это – результат реализации глубоко продуманной программы, досконально обсчитанной учеными и экспериментально проверенной в ряде стран. В сравнительно благополучной России эта программа была применена как оружие экономической войны. Чем дольше будет длиться этот рыночный геноцид, тем большее число наших соотечественников погубит бедность. И тем более тяжелый грех ляжет на душу благополучных. Благополучных лишь внешне, ибо не может быть благополучия в стране, где царит несправедливость.

Официальная статистика предполагает, что если ВВП будет расти, то бедность исчезнет как бы сама собой. Но упрямые цифры убеждают в том, что от этого роста выигрывают только богатые. Данные исследований Института социально-экономических проблем народонаселения (2007 год) свидетельствуют о том, что примерно 30% граждан России получают зарплату ниже прожиточного минимума. В сельском хозяйстве такой заработок у 70% работников, в сфере культуры и искусства – более чем у половины, в образовании – у 45%, а в здравоохранении – почти у 40% (“АиФ”, 19.04.2007). Зато в топливной промышленности обратная картина: зарплата половины работников превышает прожиточный минимум в 20 раз. В банковской сфере более трети служащих получают в 26 раз больше прожиточного минимума. Неудивительно, что разрыв между доходами самых высокооплачиваемых и самых низкооплачиваемых россиян приблизительно тридцатикратный.

В последние годы экономика нашей страны растёт. Некоторые министры даже назвали это “экономическим чудом”. Что же происходит с доходами? Высокие зарплаты увеличиваются существенно быстрее низких. Если посмотреть, как распределилась прибавка к зарплате за последние годы, то станет ясно, что больше трети этих денег досталось 10% наиболее высокооплачиваемых работников. В то же время 10% самых низкооплачиваемых получили от этой прибавки менее 1,5%.

Правительственная доктрина связывает вопросы ликвидации бедности с экономическим ростом. Но если ВВП на душу населения вырос на 100 руб., сколько получают от этого богатые и бедные? Картина получается совершенно удручающая. Доходы бедных увеличиваются на 5 руб., богатых – на 200, то есть разница между ними 40-кратная. Аналогичные расчеты можно сделать и при анализе результатов российской внешнеэкономической деятельности. При распределении доходов от внешней торговли богатые получают в 36–38 раз больше, чем бедные.

Официально бедность в России измеряется по количеству жителей, которые получают доход ниже прожиточного минимума. Этот прожиточный минимум фиксируется государственными органами. Похожая система, кстати, используется и в США, с той только разницей, что прожиточный минимум там установлен на уровне 22 тыс. долл. в год. В странах Западной Европы бедность измеряется не абсолютными, а относительными величинами. Бедным считается тот, чей доход ниже половины или двух третей среднего дохода. Если мы таким образом измерим бедность в России, то получим парадокс. Оказывается, что чем богаче регион, тем выше там относительная бедность! В Москве при нашем российском (абсолютном) определении бедности бедные составляют 17,4% населения (именно такой процент граждан имеет доходы ниже прожиточного минимума), а при относительном определении бедности (по-европейски) – больше половины! Имеется в виду, что доходы этих москвичей ниже двух третей среднего столичного дохода. Расчёты показывают, что если реальные доходы населения в нашей стране будут расти на 8–9% в год (как сейчас), а механизмы распределения останутся прежними, то двукратного сокращения бедности можно будет достигнуть только через 7 лет. Если бы доходы богатых росли хотя бы вдвое медленнее, чем доходы остальных, бедность могла бы быть полностью ликвидирована за два-три года. При этом не потребовались бы дополнительные вложения денег.

Оптимисты и пессимисты, партийные и беспартийные, чиновники и рядовые граждане, эксперты и научные работники сейчас утверждают, что внятной стратегии социально-экономического развития в России нет. Особенно это сказывается на положении в социальной сфере. Представители так называемого неоклассического течения считают, что власть должна создать более эффективную систему расходования “социальных” денег, а сами эти суммы существенно увеличить. Сторонники либеральной модели говорят о том, что государство не должно тянуть “социальную ляжку” в гордом одиночестве. Пора-де подключиться и другим структурам, в первую очередь – “социально ответственному” бизнесу и региональным властям. Радикальные меры вроде монетизации льгот в России идут об руку с чистым патернализмом. Допустим, накануне выборов всё это вполне объяснимо. Но и после 2008 года “переходный период” неопределённости и двойственности в социальной политике может затянуться на длительный срок. Эксперты порой категоричны – государство они винят в том, что оно часто нарушает правила и собственные обязательства, которые должны обеспечивать стабильность в социальной сфере. Государство не спешит на помощь гражданам, но зато смотрит сквозь пальцы на то, какими методами (далеко не всегда законными) они всё-таки ухитряются выживать и адаптироваться к любым реформам. Правда, сами люди вовсе не в восторге от системы теневых отношений, которая буквально пронизывает все структуры социальной сферы – от роддома до собеса и бюро ритуальных услуг.

“Удалось ли с помощью реформ последних лет как-то сгладить главное постсоветское общественное противоречие – между бедными и богатыми, нищими и миллионерами, крупными городами и сельской провинцией?” – спрашивает “Российская газета” от 28 февраля 2007 года. Ответ – нет. По мнению многих экспертов, эффект оказался прямо противоположным. Монетизация льгот сделала еще большей разницу в доходах жителей “богатых” и “бедных” регионов. Реформа заставила “бедные” регионы тащить непосильный для них груз социальных обязательств. Эксперты отмечали, что Центру не стоило быть настолько уверенным в своей правоте, когда она затевала реформы, толком не выслушав “мнения с мест”. Сейчас регионам приходится изо всех сил приспособляться к новым правилам, установленным без учёта их интересов и – что гораздо хуже – их опыта. Дело в том, что, по разным оценкам, 15–20 субъектов РФ уже в 90-е годы приступили к реформированию социальной сферы и теперь оказались отброшенными назад, под колеса того паровоза, впереди которого они бежали. Средств на продолжение региональных программ Центр теперь не дает, и уже начатые “с фальстартом” программы приходится сворачивать.

Большинство экспертов отмечает, что сегодня главные составляющие отношений Центра и регионов – это недоверие и страх. Москва боится, что на местах все “разворуют”, и стремится к максимальной централизации бюджетных и внебюджетных денежных потоков. В свою очередь, региональные власти трепещут перед Центром и всячески маскируют истинное положение дел глянцевой отчетностью и политической лояльностью. Невозможно сбросить со счетов и материальные интересы отдельных чиновников. По мнению экспертов, аппаратчики очень боятся потерять в результате реформ контроль над потоками денег и всеми силами тормозят преобразования.

Противодействие социальные реформы встречают и со стороны непосредственных исполнителей, а также профессиональных корпораций, которым нынешнее положение дел выгодно. Пока Москва осуществляла глобальные реформы и выравнивала общий экономический курс, региональные власти по уши увязали в “социалке” – а куда им было деться? Многим губернаторам имидж “отца родного” очень даже импонировал, особенно перед очередными выборами. При этом региональные лидеры четко делились на людей с традиционными взглядами на социальную политику и “менеджеров-новаторов”. К первым относились, например, Юрий Лужков или Минтимер Шаймиев, Эдуард Россель и др. Такие руководители формировали стратегию социальных мер, при необходимости немедленно подключая к делу бизнес-структуры или общественников, но стремясь контролировать каждый их шаг. Вторые (Константин Титов, Юрий Трутнев в бытность его губернатором Пермской области, Александр Хлопонин и др.) были склонны скорее “нанять менеджеров”, чем замыкать всё на себя. Плюсы и минусы есть в обеих моделях. Так, с уходом

в отставку “традиционалиста” всегда существовала угроза, что новый глава региона тут же свернет все программы, которые лично курировал его соперник-предшественник.

Российский бизнес свою “социальную ответственность” попытался продемонстрировать еще до того, как на высшем уровне был произнесен сам этот термин. Эксперты разошлись во мнениях о том, почему крупные корпорации и финансовые группы решили в середине 1990-х начать социальные программы – в силу необходимости или в собственных интересах. Налицо была взаимосвязь: участие бизнеса в “социалке” оказывалось наиболее значительным там, где у него не случалось конфликтов с сильной и авторитетной региональной властью. Заявившие о себе в 90-е годы в сфере региональной социальной политики некоммерческие организации (НКО) по степени влияния так и не смогли дотянуться до соответствующих аналогов в западных странах. Слишком слабыми они как были, так и остаются, очень неровно складываются их отношения с властью в разных концах страны, да и в Москве не обошлось без “ложки дёгтя”.

Как отмечают эксперты, свои “социальные программы” осуществляли и криминальные структуры. Теневой бизнес стремился создать себе благородный имидж и обрести влиятельный социальный статус, отчасти чтобы “искупить грехи”, а также чтобы взять под контроль “свою” территорию.

После укрепления властной вертикали и реформы местного самоуправления государство в социальной политике по всем позициям стало лидером. Теперь имеет смысл на основе опубликованных данных определить, как живут сегодня граждане России. Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ) провел уникальное исследование. Эксперты изучили материальное расслоение в российском обществе, анализируя не только доходы граждан, но и их жилищные условия. По мнению директора центра, профессора Вячеслава Бобкова, такие данные в России еще ни разу не публиковались (“Российская газета”, 9.02.2007). Важен вопрос – кого у нас сегодня относят к наименее обеспеченному населению? Тех ли, кто имеет среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума, или иные контингенты людей? Если исходить, как это делает Росстат, только из уровня денежных доходов, то в 2006 году бедняков в России было примерно 14 процентов. С учетом плохих жилищных условий, изменить которые граждане не могут, численность самого обездоленного контингента бедняков, как показали исследования, составляет около 42 процентов, а это более 50 миллионов человек. Ещё примерно столько же составляет неустойчивый “переходный” слой населения. Допустим, семья из пяти человек имеет душевые доходы выше прожиточного минимума и не считается малоимущей. Но она занимает две маленькие комнатухи на первом этаже дома-“хрущевки”, где треснувшие стены, на кухне не повернуться, с “удобствами” проблемы. Спрашивается, можно ли считать такой быт нормальным? У этих людей даже при доходах, несколько превышающих прожиточный минимум, нет средств для улучшения жилищных условий. Поэтому можно и их отнести к бедным, хотя и не по величине доходов, а по типу жилища. Вот мы и увидим истинную картину благополучия или неблагополучия россиян.

Что следует считать плохими жилищными условиями? Специалисты ВЦУЖ определили два критерия: первый – когда на одного человека приходится меньше жилой площади, чем предусмотрено учетной нормой, действующей в регионе. Второй критерий – плохое благоустройство жилища, когда в нем нет электричества, либо канализации, либо системы отопления. Отсутствие горячей воды или телефона, а также проживание в одной комнате трех и более человек не является, по классификации ВЦУЖ, признаком “неблагополучного” жилья. Критерии выбраны жесткие, и тем тревожнее полученный результат. Выясняется, что “плохо” живут около 42 процентов россиян. У одних – доходы низкие, у других – жилищные условия плохие, а у третьих – и то и другое. 4 миллиона нынешних бедняков – это бедные и по доходам, и по состоянию жилища.

Всё это характерно не только для малоимущих, но и для 38 миллионов россиян, которые официально не считаются бедными, однако постоянно испытывают жилищные трудности. Их среднедушевые доходы, как показало исследование, выше прожиточного минимума, но ниже восстановительного потребительского бюджета (классификация ВЦУЖ), составляющего примерно

два прожиточных минимума. Эти люди не могут скопить денег на новую квартиру или построить домик в деревне. Специалисты ВЦУЖ справедливо отнесли к бедному слою и эти 38 миллионов. К беднякам не отнесены почти 7 миллионов малоимущих (по официальной статистике) граждан, потому что они имеют хорошее, просторное жилье с телефоном, горячей водой и другими удобствами. Такая квартира или загородный домик уже являются в известном смысле капиталом. Семье можно, скажем, переехать в менее просторное жилье и сдавать свою квартиру. Члены семьи, например, завершившие учёбу дети, могут найти работу с неплохой зарплатой, и уровень доходов сразу повысится. Эта группа граждан имеет перспективу, и плохое материальное положение у них – явление временное.

Исследователи обычно делят российские домохозяйства на четыре класса. Кроме бедных, выделяют ещё так называемый “переходный класс”, а также “средний класс” и высоко обеспеченных людей. 41 процент россиян оказался в “переходном классе”. Это название говорит о том, что при неблагоприятном стечении обстоятельств жизнь таких граждан может ухудшиться, и тогда они переместятся ниже, в одну из трёх групп бедняков. Но одновременно у них есть шансы перебраться в “середняки”. Неустойчивость положения делает этих людей весьма зависимыми от внешних условий. Поэтому именно на точечную поддержку не только бедняков, но и обитателей “переходного класса” должна быть направлена продуманная, эффективная экономическая и социальная политика государства. Речь идёт не о материальных субсидиях, а о выявлении властями назревших проблем этих граждан и принятии необходимых мер. Имеется в виду, например, организация обучения в кредит, а также льготы при переквалификации или административная помощь при переезде в другой город, где есть подходящая работа.

Важно, чтобы власти занимались всем этим, имея в виду судьбы конкретных людей. Задача заключается, во-первых, в том, чтобы способствовать более быстрому росту тех, кого сейчас относят к “среднему классу”, а во-вторых – предупредить сползание неустойчивых домохозяйств в бедность. “Средний класс”, по данным ВЦУЖ, составляет лишь 14 процентов от всего населения страны. Это очень мало, поэтому гарантом стабильности общества он не стал. Одни семьи имеют относительно высокие среднедушевые доходы (более 7 прожиточных минимумов), но весьма средние жилищные условия (например, без горячей воды и телефона). У других похуже материальное положение (доходы от 2 до 7 прожиточных минимумов), зато хорошие квартиры или индивидуальные дома. В любом случае эти граждане России могут удовлетворять многие из своих потребностей. Наиболее обеспеченный класс – богатые граждане. У них все хорошо: и высокие доходы, и отличное жильё. Но таких благополучных россиян, как показали исследования ВЦУЖ, всего 3 процента.

Каковы изменения, происходящие внутри обозначенных выше четырех социальных групп? Сократилось ли число бедняков? Некоторые изменения действительно происходят, причем в положительную сторону, но очень медленно, и нет уверенности в позитивных перспективах этого процесса. Причина – в наличии трудно решаемых жилищных проблем. По имеющимся данным, за два последних года “нижний класс” сократился на 4 процента, а богатых стало больше.

Соотношение социальных групп говорит о чрезмерно высоком расслоении российского общества по качеству и уровню жизни. Реальные же масштабы бедности в России более значительны, чем принято считать. Задача борьбы с бедностью намного сложнее, она требует новых подходов в формировании соответствующей государственной социальной политики. Для преодоления абсолютной бедности, а также для расширения “среднего класса” до преобладающей в обществе социальной группы необходимо разработать и принять долгосрочные целевые региональные программы и, конечно же, социальную стратегию развития страны.

Каковы же перспективы и возможности представительных органов власти, которые могут способствовать решению острых социальных проблем, стоящих перед российским обществом? Это прежде всего осознание депутатским корпусом необходимости решения проблемы социальной справедливости. Именно она больше всего волнует основные контингенты населения нашей

страны. “Единая Россия”, по мнению политологов-аналитиков, не готова, да и не способна добиваться решения столь значимых и сложных проблем.

В связи с этим нельзя не остановиться на роли и значении политических партий в современном обществе. На примере президентских выборов во Франции весной 2007 года можно сделать вывод, что роль партий в социально-политической структуре общества ослабевает. В “благополучном” французском обществе значительный контингент общества долго размышлял: а за кого им лучше голосовать? Мотивацией для нахождения ответа на этот вопрос уже не могло быть классовое бесправие, обнищание влиятельных контингентов населения или политическое угнетение наиболее обездоленных трудящихся. Элита общества, наученная опытом социальных революций, постаралась создать видимость общественного благополучия.

Социальное неравенство есть, оно не ликвидировано, оно охватило гигантские контингенты населения планеты, но увидеть его и почувствовать так, как это было, скажем, в период первоначального накопления капитала, неизмеримо сложнее. Это должна сделать наука, поднимаясь на новый, куда более высокий уровень, который совсем не нужен хозяевам современного мира, ибо создает для них опасную угрозу.

Наглядно представление о социальном прогрессе и социальном тупике дает нынешнее положение в России. Экономическая статистика свидетельствует: разрыв между 10 процентами самых бедных и 10 процентами самых обеспеченных – колоссальный. Эта тема главенствовала на XI Всемирном русском народном собрании. Её поднял и Уполномоченный по правам человека в России Владимир Лукин в своём ежегодном докладе. Удаётся ли государству грамотно управлять мерами по устранению социально-экономического неравенства граждан? Что можно сделать для преодоления пропасти между богатством немногих и бедностью многих? Социально-экономическое неравенство существует во всех странах, где-то оно более, где-то менее ощутимо. Абсолютной справедливости в этом смысле нет и быть не может. Вопрос в том, удаётся ли государству теми или иными способами сокращать неизбежную дистанцию между бедными и богатыми.

Главная причина неравенства – в низком уровне заработной платы, в недооценке труда. От уровня заработной платы зависит всё остальное – размер пенсий, социальных пособий и т. п. Сегодня в России уровень заработной платы существенно ниже мировых стандартов, причем не только по абсолютной величине (на единицу заработной платы наш работник производит вчетверо больше товаров и услуг, чем в Евросоюзе), но и относительно ВВП. Доля оплаты труда в распределении валового внутреннего продукта у нас составляет около 40 процентов. В странах с развитой экономикой и с устоявшимися институтами обеспечения социальной стабильности этот показатель достигает 70–80 процентов.

Что же мешает нашему государству поднять минимальную заработную плату до величины прожиточного минимума? Ничто не мешает, у государства сегодня есть для этого доходы. Но вместо того чтобы платить учителям и врачам в соответствии с их квалификацией, значительная часть доходов – более четверти – замораживается в Стабилизационном фонде. А ведь государство наше могло бы довольно быстро, в 2–3 года, обеспечить повышение жизненного уровня большинства российских граждан. Работникам бюджетной сферы её нужно удвоить, что привело бы долю бюджетных ассигнований на образование, здравоохранение и науку в соответствие со среднемировым уровнем. Работникам частного сектора необходимо предоставить реальные возможности отстаивания своих интересов во взаимоотношениях с работодателями, включая представительство в советах директоров предприятий. Повышение зарплаты повлечёт за собой соответствующее увеличение пенсий и социальных пособий.

Все политические проблемы нашего времени, если поискать их корни, произрастают из проблемы собственности. Наиболее простой вариант её решения – всё отнять и поделить. Над этой проблемой билась в 20-е годы прошлого столетия выдающиеся советские экономисты и политики того времени. Международное положение нашей страны в то время не позволяло слишком долго дискутировать. И действительно, вскоре над нашей страной нависла реальная угроза войны, а затем она превратилась в самую страшную войну, которую когда-либо знала вся предшествовавшая история. В 90-е годы прошло-

го столетия отнимать, да и делить, было, в сущности, нечего: всё было уже отнято и поделено. Всё национальное богатство отошло небольшой группе людей, а подавляющее большинство граждан России остались с крайне низкой зарплатой и прочими мизерными доходами, к тому же ещё и трудовые сбережения отобрали. Поэтому справедливо требование о прогрессивной шкале подоходного налога, ничего общего с тезисом “отнять и поделить” оно не имеет.

Всем известен христианский принцип – кому многое дано, с того много и спросится. Это означает, в частности, что люди состоятельные должны нести относительно большее бремя общих расходов, чем люди бедные. Когда речь идёт о распределении налогового бремени, мы должны подходить к этому дифференцированно. Далеко не весь доход нужно облагать. Необходимо прежде всего вывести из-под налогообложения доходы, которые ниже прожиточного минимума, причём ниже прожиточного минимума в расчёте на каждого члена семьи. Кроме того, налоговая амнистия, которую объявили, отнюдь не способствует воспитанию законопослушности. Выиграли только те, кто скрывал доходы, не платил налоги, а кто честно платил, оказались обманутыми. Снижение ставки как раз и дало кому-то возможность легализовать ранее полученные доходы: заплатил 13 процентов вместо 35 – и свободен. Потакание жуликам – не лучший путь к воспитанию законопослушности.

В налоговой реформе был еще один неправильный элемент: как по экономическим, так и по моральным основаниям не следует брать налоги с военных. Люди, которые посвящают себя служению Родине, подчас рискуют жизнью, должны обладать привилегией – не платить налоги. Тем более что они своё денежное содержание получают от государства, и установление для них 13-процентного налога – это перекаldывание из одного государственно-го кармана в другой.

Самый важный элемент в прогрессивной шкале – это налоговое обложение сверхвысоких доходов. Можно было бы установить три категории налогоплательщиков. Одна из них – это те, у кого доходы ниже прожиточного минимума на члена семьи. Другая – те, у кого средние доходы. И, наконец, те, у кого доходы высокие. Общество само должно решить, где провести грань между средними и высокими доходами, чтобы оградить людей от дополнительного налогового бремени. Опыт показал, что у богатых есть возможности уклоняться от уплаты высоких налогов. Но опыт показал и другое, а именно: что самое изощренное взаимодействие олигархов с налоговыми органами может быть обнаружено и пресечено. Если государство намерено заставить олигарха платить налоги, оно найдет для этого способ, даже если этот олигарх живет в Лондоне или Нью-Йорке. Но наше государство фактически идёт по пути поощрения богатых, не пытаясь распределить социальную нагрузку справедливим образом; наоборот, оно снижает бремя ответственности богатых, потому что у тех гораздо больше возможностей лоббировать свои интересы, чем у большинства российских граждан. Подоходный налог по плоской шкале явно в пользу богатых, бедные же получили прибавку только на один процент.

Был упразднен налог на наследство, вместо того чтобы подойти к нему дифференцированно. Например, есть разница между имуществом, приобретенным в советское время за зарплату, и имуществом, полученным по итогам приватизации. Если имущество было приобретено на теневые доходы, то оно должно облагаться налогом, не меньшим подоходного. К примеру, родственник крупного чиновника, живущий на скромную пенсию, вдруг становится собственником дворца стоимостью в 10 миллионов долларов. Совершенно очевидно, что он – лишь подставное лицо, на которое его родственник оформил права собственности, чтобы не быть обвинённым в коррупции. Правительство и думское большинство добились отмены налога на наследство. Это пример того, как наше законодательство последние годы меняется исключительно в пользу богатых, а интересы бедных игнорируются.

Самый яркий пример – занижение зарплаты работников бюджетной сферы при профицитном бюджете. Мы-де не знаем, сколько у нас бедных. Знаем! Их примерно в два раза больше, чем декларирует российская официальная статистика. По оценкам специалистов, больше 40 процентов населения живёт в бедности, а примерно 20 процентов – в нищете с уровнем доходов ниже физиологического минимума.

Ключевым звеном является оплата труда, а так называемая адресная социальная поддержка при нормальной оплате труда становится рутинным

делом в решении ряда типичных, но далеко не всех задач. К примеру, нельзя рассматривать как универсальный принцип переход на страховую медицину или на нормативно-душевой механизм финансирования образования. В сельской школе или больнице такие механизмы приведут к ликвидации целых звеньев в существующей системе образования и здравоохранения. Но дело даже не в механизмах. Зарплату врача или учителя невозможно привязать к конечному результату, который проявится через годы. Реформа здравоохранения исходит из того, что врач получает деньги не за лечение больного, а за количество услуг, которые он оказал в соответствии с формальными нормативами. В существующей системе очень много подводных камней, обходя которые мы выходим на проблему уровня зарплаты, а её уровень, скажем, зарплата врача, определяется бюджетом. Страховая медицина, или перечисления из регионального бюджета, или федеральные медицинские центры – это опять же государственная система. Людей, способных оплатить медицинские услуги по рыночной цене (приём у врача стоит от 200 до 600 рублей в частных клиниках), не так много. Если же мы приведём зарплату врачей, работающих в государственных учреждениях, к нормальной величине, то останется меньше стимулов брать деньги с пациентов.

Чтобы обеспечить качественное медицинское обслуживание граждан и хорошее образование, необходимо как минимум удвоить зарплату врачей и учителей. Фактическим источником повышения их зарплаты может быть только профицит бюджета, который довольно велик. В 2006 году он составил 7,5 процента от валового продукта – 2 триллиона рублей.

Государство вывело эти деньги в Стабилизационный фонд и отправило фактически на кредитование американских военных расходов. Это было абсолютно аморальное и экономически не обоснованное решение. Оправдывалось оно тем, что повышение зарплаты ведёт к росту инфляции. Но научные исследования показывают, что статистически значимой зависимости между ростом денег в обращении и темпом инфляции нет. Более того, последние годы наблюдается отрицательная зависимость: количество денег увеличивается, зарплата растёт, доходы граждан растут, а инфляция снижается. Противники подобной точки зрения ссылаются на пример Франции, где социалисты, придя к власти, повысили зарплату и пособия, а через три месяца там разразился глубокий экономический кризис. Разумеется, до абсурда можно довести любое хорошее дело, а чтобы этого не было, нужны разумные масштабы и разумная государственная политика. Там, где в экономике работает здоровая, добросовестная конкуренция, повышение доходов граждан не ведёт к росту цен.

При справедливом распределении налогового бремени и при справедливой оплате труда можно поднять уровень жизни в два-три раза. Но для этого нужна комплексная системная политика, которую нынешняя власть не демонстрирует, ибо идёт на поводу у богачей, успешно лоббирующих свои интересы. Россияне могут и хотят жить в цивилизованной современной стране, с разумной экономической политикой государства, ответственными чиновниками, политически активными гражданами.